

Ключові слова: Умань, НКВД, «Великий терор», співробітники держбезпеки.

Viola L. The Case of Uman' Regional NKVD Office

The crimes of the executives of the Uman' NKVD office during the Great Terror were examined, as well as closed processes on some of them. It is pointed out, that chekists' actions were the result of Bolshevik's practice of violence. Their deeds during 1937–1938 became for them routine.

Key words: Uman', НКВД, The Great Terror, state security executives.

УДК 351.746.1-051(479.22)(092):343.1]«1957»(045)

*Тимоти БЛАУВЕЛЬТ**

**«Какова была музыка, таков был и танец»:
дело Серго Давлианидзе**

Предпринимается попытка «населить макроисторическое пространство», исследуя деятельность сотрудника НКВД Грузии Серго Давлианидзе в период «Большого террора» и материалы судебного процесса 1957 г. По мнению автора, появилась возможность достичь «баланса между макро- и микро- историей», а также понимания того, как люди, работавшие в институтах сталинского общества, оказались способны совершать акты насилия в значительных масштабах против невинных людей.

Ключевые слова: Серго Давлианидзе, «Большой террор», политические репрессии, НКВД.

В недавних исследованиях по советской истории звучат призывы творчески применять выводы, содержащиеся в обширной литературе о преступлениях нацизма в Германии, для изучения схожих массовых преступлений сталинизма в СССР, обращая особое внимание на то, как «обычные люди» становились карателями, а также, каким образом следователи карательных орга-

* *Блаувельт Тимоти К. (Timothy K. Blauvelt)* – ад'юнкт-професор радянських і пострадянських досліджень Державного університету Іллі (Тбілісі, Грузія).

нов «вписываются» в сталинское общество и являются воплощением этого общества.

Каратели в контексте сталинизма

Масштабы репрессий, совершенных нацистским и коммунистическим режимами, ставят фундаментальные вопросы об особенностях человеческой природы и о том, как и при каких обстоятельствах люди могут вести себя столь бесчеловечно. Как и в ранних исследованиях Холокоста и Нюрнбергского суда, пока в историографии основное внимание в изучении сталинского террора обращается на Сталина и высшее руководство СССР. Большинство историков рассматривают руководителей среднего звена, чьими руками в действительности вершился террор, либо как «простых винтиков в сталинской машине», либо как садистов и психопатов, чья склонность к уголовщине проявилась в соответствующих условиях. Без сомнения, приказы, поступавшие сверху, играли центральную роль в репрессиях, а среди следователей советских карательных органов были садисты, но как «обычные люди» становились карателями?

Обширные фонды бывшего архива КГБ Грузинской ССР¹ о судебных процессах над сотрудниками грузинского НКВД, которые прошли в Тбилиси в период «десталинизации», последовавшей после XX съезда партии в 1956 г., дают возможность исследовать карьеру, мотивации и взгляды руководителей с тем, чтобы «изменить перспективу исследования» с целью «создания дифференцированного образа сотрудников карательных органов СССР»². Как следует из новаторских исследований Петера Лонгериха (Peter Longerich), значительное число свидетельских показаний, комментариев, апелляций и личных заявлений, содержащихся в этих фондах, позволяют исследовать взаимоотношения личности и государства, изучить влияние таких факторов, как предрасположенность и обстоятельства, идеология и рациональность, взаимодействие и взаимное уси-

¹ Архив бывшего КГБ Грузии сейчас официально называется Сакартвелос шинаган сакмета саминистро (шсс) аркиви (I) [I-ая секция Архива Министерства внутренних дел Грузии] (далее – Сакартвелос шсс аркиви (I)).

ление этих факторов³. По словам Линн Виолы, важно выяснить на микроуровне «экосистему насилия», тот контекст, в котором «обычные люди» становятся карателями, ту роль, которую совпадение определённых обстоятельств, культуры и идеологии играет в инициировании и экспансии насилия, и то как личные мотивы могут определять действия людей⁴. Например, предпосылками могли служить тот опыт насилия, который будущие сталинские каратели получили в период Первой мировой войны, революций и гражданской войны в России 1914–1921 гг., особенности их личной психологии и понимания законности, ведомственная среда и давление со стороны сослуживцев, расширение их полномочий, а также приказы по НКВД, массовая психология и идеология, которую режим насаждал в обществе (официальный дискурс), наличие альтернативных дискурсов или ценностных норм.

В данной статье автор обращается к этим вопросам и, перефразируя высказывание Линн Виолы, предпринимает попытку «населить макроисторическое пространство» («to populate the macro historical»), исследуя материалы судебного процесса 1957 г. над Серго Семёновичем Давлианидзе, сотрудником среднего и высшего звена НКВД Грузии в период наивысшего разгула массовых репрессий, активно участвовавшего в арестах и допросах того времени. Двадцать четыре тома сопроводительных документов, материалов допросов, писем и апелляций, стенограмм судебных заседаний и свидетельских показаний репрессированных, бывших коллег и самого Давлианидзе дают возможность достичь «баланса между макро- и микроисторией»⁵ и понимания того, как люди, работавшие в институтах сталинского общества, оказались способны совершать акты насилия в столь значительных масштабах против, в большинстве своём, невинных людей.

² Юнге М. Советские «каратели». Историография, методы и источниковая база // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2015. – № 1 (44). – С. 17–48.

³ Там же.

⁴ Viola L. The Question of the Perpetrator in Soviet History // Slavic Review. – 2013. – № 1 (72). – P. 1–23.

⁵ Ibid. – P. 22.

Обычная биография сотрудника органов безопасности

Серго Давлианидзе, как представляется, идеально соответствует определению «типичного» сотрудника НКВД сталинского времени. В разгар массовых репрессий, с середины 1937 до середины 1938 гг., он служил заместителем начальника 4-го отдела НКВД Грузии, а в период 1938–1948 гг. занимал руководящие должности в центральном аппарате и органах наркомата на железнодорожном транспорте, Северном Кавказе и в Закавказье.

Давлианидзе родился в 1904 г. в Кутаисской губернии Грузии в семье, как он утверждал, бедного крестьянина, который позднее вступил в колхоз⁶. Как и многие из его коллег, он не получил хорошего образования, окончив лишь 4 класса начальной школы, хотя в течение жизни в автобиографиях Давлианидзе старался «улучшить» образовательный статус, заменив «неполное начальное» на «неоконченное среднее», а иногда даже и на «неоконченное высшее»⁷. Давлианидзе знал русский язык, по-видимому, понимал грузинский, но не мог читать и писать на родном языке. Поэтому, несмотря на деревенское происхождение, изъяснялся, в основном, на русском. Он заявлял, что в рядах Красной армии в гражданскую войну на Северном Кавказе он принял участие в обороне Минеральных Вод в 1919 г., хотя, как позднее покажет следствие, это было маловероятно, так как ему в то время было 15 лет. Согласно официальным материалам его личного дела, Давлианидзе стал сотрудником милиции в Тбилиси в феврале 1921 г., когда город заняла 11-я армия РККА, а в конце года вступил в комсомол. В 1923–1924 гг. служил во 2-м Грузинском стрелковом полку в Батуми⁸. По окончании службы, в апреле 1924 г., был назначен секретарём районного комитета комсомола в Манглиси – сельском районе Грузии, где проработал до октября 1925 г., после

⁶ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643–58, т. 24/21, л. 244.

⁷ В одной из автобиографий Давлианидзе указал, что два года учился в Тифлисском высшем гидротехническом училище.

⁸ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643–58, т. 24/1, л. 98.

чего был командирован на работу в аппарат ГПУ. В органах государственной безопасности Давлианидзе сделал карьеру. Отметим, что до 1937 г. Давлианидзе работал в районных органах госбезопасности в разных местах Грузии (преимущественно на западе в Чиатури в 1928–1931 гг.), а также в экономическом отделе (ЭКО) ГПУ в Тбилиси.

Следственное дело Давлианидзе содержит описания его карьеры во множестве заявлений, апелляций и автобиографий, а также свидетельствах государственных и партийных проверок, инспекций, мнениях коллег, соперников и других свидетелей. Согласно более позднему заключению Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ), Давлианидзе был освобождён с должности секретаря райкома комсомола в Манглиси в июне 1925 г. за некомпетентность, «абсолютное отсутствие руководства с его стороны» и по причине многих «крупных дефектов в работе комсомольской организации». По заключению комиссии ИМЭЛ,

«райком и, в первую очередь, секретарь Давлианидзе, совершенно не были знакомы с политикой и постановлениями партии и комсомола о работе в деревне»⁹.

Несмотря, а может быть как раз по причине¹⁰, столь негативной оценки его деятельности, Давлианидзе был отослан в Тбилиси на кратковременную работу секретаря экономического отдела ЦК ЛКСМ Грузии, а затем переведён в ГПУ. Оценки работы Давлианидзе в органах госбезопасности в начальный период его карьеры были низкими. В 1926 г., будучи полномочным представителем ГПУ в Шоропани, он получил такие характеристики:

«проявлял мальчишество, авторитетом не пользовался», «выполнял только задания, другой работы не вёл, инициативы не проявлял, с ограниченным кругозором, на самостоятельной работе не соответствует [должности]», но «под хорошим руководством даст положительные результаты».

В течение службы Давлианидзе продолжали критиковать за неумение работать в команде и за то, что он «часто дерётся с

⁹ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 95.

¹⁰ Из документов не ясно, было ли новое назначение повышением по службе или попыткой избавиться от Давлианидзе.

сотрудниками»¹¹. В апелляции, посланной Лаврентию Берия в 1953 г., Давлианидзе описал ряд конфликтов того времени с местным партийным руководством и коллегами по органам госбезопасности, которые, видимо, поддерживали соперника Берия – Тите Лордкипанидзе. В частности, в 1926 г. с секретарём комсомола в Манглиси; 1927 г. в Шоропани с Михейлом Дидзигури, ставленником Лордкипанидзе; 1929 г. с местным райкомом в Чиатури; 1930 г. с Кавтеладзе, сторонником Лордкипанидзе в Чиатури; 1930–1931 гг. с Дидзигури, Лордкипанидзе и первым секретарём ЦК КП (б) Грузии Самсоном Мамулия. Именно тогда, по словам Давлианидзе, Мамулия заявил в его адрес, что слишком «смело бросает обвинения и превышает свои полномочия». Проводившая проверку комиссия ЦК Компартии Грузии заключила, что между Давлианидзе в ГПУ и местным райкомом развернулась «беспринципная борьба», в которой Давлианидзе «совершенно недопустимым образом» собирал материалы, зачастую тенденциозные, «с помощью аппарата ГПУ для дискредитирования руководящих работников»¹². Из письма Давлианидзе 1953 г. следует, что в каждом из этих конфликтов он напрямую обращался, лично или письменно, к Берия, защитой которого он пользовался, чтобы избежать негативных последствий¹³.

В 1933–1934 гг., во время работы в экономическом отделе ГПУ Грузии в Тбилиси, Давлианидзе вновь оказался вовлечённым в конфликт с Лордкипанидзе. Одновременно это был и ведомственный конфликт между ПП ОГПУ ЗСФСР, начальником которого в то время был Лордкипанидзе, и грузинским ГПУ, который без санкции ПП ОГПУ ЗСФСР арестовал нескольких «известных экспертов», якобы вовлечённых в контрреволюционный заговор¹⁴. По этому делу Давлианидзе был арестован и в октябре–ноябре 1934 г. заключён в тюрьму, откуда он

¹¹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 206–16.

¹² Там же, л. 97.

¹³ Там же, л. 228–31.

¹⁴ Там же, л. 232. Также см.: Газарян С.О. Это не должно повториться (Документальная повесть). – Ереван, 1988. – С. 22.

вновь послал апелляцию Берия и его ставленнику Соломону Мильштейну – заместителю заведующего особого сектора ЦК КП(б) Грузии. После месячного тюремного заключения в ноябре 1934 г. Давлианидзе был вызван из камеры на встречу с начальником ПП ОГПУ ЗСФСР. Ожидая предстать перед Лордкипанидзе, Давлианидзе был приятно удивлён, увидев ставленника Берия С. А. Гоглидзе, назначенного на этот пост. Лордкипанидзе был снят с должности и позже направлен в Крым, в 1937 г. расстрелян как «враг народа». Гоглидзе освободил Давлианидзе и восстановил в должности.

В течение двух последующих лет, в 1935–1937 гг., Давлианидзе был вновь послан на работу в Чиатури начальником райотдела НКВД. В июле 1937 г. его вернули в Тбилиси и назначили заместителем начальника 4-го отдела грузинского НКВД. Этот отдел, известный также как секретно-политический (СПО), который в то время возглавлял один из ставленников Берия – Богдан Кабулов, отвечал за сбор агентурных материалов и занимался разоблачением «враждебной деятельности»

«членов антисоветских партий и групп, бывших белогвардейцев, священников и националистов, не связанных с иностранными националистическими организациями»¹⁵.

Так как принадлежность к этим категориям составляла главный повод для обвинений «врагов народа», именно 4-й отдел стал центральным в НКВД при проведении массовых репрессий в Грузии. Кобулов лично руководил первыми тремя из семи отделений 4-го отдела, тогда как Давлианидзе отвечал за работу остальных четырёх отделений, которые, в основном, занимались отдельными районами Грузии¹⁶. В отсутствие Кобулова или его занятости, Давлианидзе, как заместитель, имел право подписывать документы и отдавать приказы. С декабря 1937 до февраля 1938 гг., когда Кобулов исполнял обязанности заместителя наркома НКВД Грузии, Давлианидзе также часто замещал его в качестве начальника отдела¹⁷. Регулярно Дав-

¹⁵ Контрразведывательный словарь. – М. 1972.

¹⁶ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 3–7.

¹⁷ Там же, т. 24/18, л. 98; т. 24/21, л. 62.

лианидзе напрямую отчитывался перед главой НКВД Грузии Гоглидзе.

По свидетельству бывшего коллеги Давлианидзе, перевод с должности начальника районного НКВД в Чиатури на должность заместителя начальника 4-го отдела НКВД Грузии

«во второй половине 1937 г., в разгар репрессий, было большим скачком, и это назначение не могло обойтись без покровительства НКВД, в том числе и Кобулова, и, конечно, особой активности со стороны Давлианидзе»¹⁸.

Повышение по службе давало и материальные привилегии. Давлианидзе с семьёй получил просторную квартиру в элитном доме 5/7 по улице Саджая (ныне Киачели), известном как «генеральский дом». В нем жили высшие партийные, военные чины и верхушка НКВД¹⁹. Давлианидзе преуспел в новой должности и в августе 1938 г. был назначен сначала заместителем, а затем начальником 3-го отдела (контрразведка) грузинского НКВД. В 1939 г. он возглавил транспортный отдел НКВД Закавказской железной дороги. В течение двух периодов времени, в марте–августе 1941 г., а затем с мая 1944 по ноябрь 1945 г., Давлианидзе был заместителем наркома госбезопасности Грузии²⁰. Кроме того, в 1945 г. он стал кандидатом в члены ЦК Компартии Грузии и получил звание генерал-майора.

Массовые репрессии и война представляются апогеем карьеры Давлианидзе. В 1945 г., после того, как он «создал нездоровую склочную обстановку в аппарате НКВД Грузинской ССР», испортив отношения с главой этого ведомства А. Н. Рапава, ещё одним назначенцем Берия²¹, Давлианидзе был переведён в Северную Осетию в Джауджикау на должность начальника транспортного отдела МГБ Орджоникидзевской (Северокавказской) железной дороги. С этого момента Давлианидзе вновь стал получать негативные характеристики. Его обвиняли в том, что

¹⁸ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 74.

¹⁹ Берия тоже жил в этом доме в бытность наркомом внутренних дел Грузии.

²⁰ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 181.

²¹ Там же, л. 203.

«с первых же дней своей работы» он «создал нездоровую и склочную обстановку в отделе», «окружил себя лицами, подобранными не по деловым качествам, а по признакам родства или знакомства по прежней работе»,

что он использовал своих приближенных для

«сбора сведений о настроениях и мнениях сотрудников отдела, что породило среди оперсостава недоверие и боязнь друг друга».

Кроме того, «под видом служебных командировок Давлианидзе неоднократно организовывал поездки в Тбилиси его приближенных», тогда как действительная цель этих командировок «была связана с доставкой продуктов для его семьи». Давлианидзе также обвинялся в расходовании на личные цели 9317 руб. из «оперативных средств» (позже он вернул деньги), а также в том, что он оформил занимаемую им лично квартиру как конспиративную и оплачивал её из государственных средств. Его высокомерие, чванливость служебным положением и званием генерал-майора возмущала сотрудников. Публично красуясь, он разъезжал по городу в сопровождении специальной охраны. В течение первых одиннадцати месяцев работы этот генерал арестовал более трети своих сотрудников (36% или 51 чел.), а более половины (51% или 72 чел.) перевёл на другую работу без объяснения причин. Как отмечалось в документах, это стало причиной «низких результатов в агентурно-оперативной работе» в 1946 г.²² Вскоре после перехода на работу в Джауджикау, в августе 1946 г., Давлианидзе послал партийному руководству доносы на своих коллег по работе в обкоме Северо-Осетинской автономной республики. Однако в ноябре 1947 г., к его огорчению, эти жалобы были отправлены обратно в Северо-Осетинский обком для рассмотрения. В результате вспыхнула резкая конфронтация с руководителями Северной Осетии на пленуме обкома. Они требовали объявить Давлианидзе выговор и отстранить от занимаемой должности, что в итоге и было сделано приказом МГБ СССР в 1948 г.

Давлианидзе провёл остаток сталинского правления и последующие годы, рассылая апелляции высокопоставленным

²² Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 201.

руководителям: сначала Абакумову, затем Берия, а позже Булганину и Хрущёву. Он просил пересмотреть его дело и восстановить на работе или, по крайней мере, платить ему пенсию. Однако после его конфликта с Рапава в 1945 г. никто в окружении Берия не хотел заступаться за Давлианидзе. Его апелляции не только оставили без внимания, но они имели отрицательные последствия. В 1951 г. вновь отменили выплату половинчатой пенсии (огромная сумма в 4350 руб. в месяц), которую ранее ему удалось восстановить, а в июле 1953 г. его лишили звания генерал-майора за

«поведение, дискредитирующее высокое звание начальствующего состава органов МГБ»²³.

После ареста Берия Давлианидзе вызвали в Москву в качестве свидетеля на суде над Берия, Гоглидзе и Кобуловым в декабре 1953 г. и судебное заседание по делу его бывших коллег К. С. Савицкого, Н. А. Кримиана, А. С. Хазана и Г. И. Парамонова в мае 1954 г. Несколько подсудимых и свидетелей дали обвинительные показания против самого Давлианидзе. В июле 1956 г., когда Давлианидзе работал директором продуктового магазина в Тбилиси, его арестовали. Прокуратура Закавказского военного округа возбудила против него дело по обвинению в контрреволюционной деятельности в период работы в НКВД во время массовых репрессий и после них.

Ведомственный контекст: практика сталинизма в НКВД Грузии

Материалы судебного дела Давлианидзе дают возможность увидеть «изнутри», на микроуровне, отношения между сотрудниками грузинского НКВД во время массовых репрессий, а также систему покровительства (клиент-патронских отношений) в действии. Кроме самого Давлианидзе, ключевыми фигурами в НКВД Грузии в 1937–1938 гг. (все были следователями в 4-м отделе) являлись Александр Самойлович Хазан – начальник 1-го отделения 4-го отдела, Константин Сергеевич Савицкий – заместитель начальника 1-го отделения, Никита Аркадьевич

²³ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/1, л. 204.

Кримян – начальник 2-го отделения (для «особо важных дел»). В мае 1954 г. они предстали перед судом (а также Г. И. Парамонов) и были приговорены к расстрелу²⁴. Представляется, что через Кобулова они были связаны с более обширной группой, которой покровительствовал Берия. Бывший сотрудник НКВД В. Н. Гульц свидетельствовал в 1953 г.:

«В 1937–1938 гг. Кобулов сыграл зловещую роль. Он стал убирать с дороги своих потенциальных конкурентов. Одновременно с этим Кобулов таким же путём парализовал всех лиц, которые, по мнению его и его шефа Берия, могли помешать им в их карьерных и авантюристических намерениях. Для этой цели Кобулов сгруппировал вокруг себя верных людей, способных на любое грязное дело: Савицкого, Кримяна, Хазана»²⁵.

Хазан начал служебную карьеру в одесском ГПУ в 1928 г. В 1933 г., после того как он потерял место преподавателя в Высшей школе ОГПУ в Москве, Гоглидзе забрал его в ГПУ Грузии, несмотря на очевидную связь Хазана в 1920-х гг. с известными сторонниками Троцкого. В 1935 г. НКВД СССР издал приказ об отстранении Хазана от работы «в силу абсолютной непригодности», однако Гоглидзе отказался его выполнить, вместо этого назначив Хазана начальником 1-го отделения 4-го отдела. Кроме того, в дополнение к этим обязанностям Хазан был назначен в 1937 г. помощником Кобулова. По-видимому, Хазан в это время получил поручение от Кобулова и Гоглидзе собирать компрометирующие материалы на других сотрудников НКВД. Бывший следователь НКВД Барский позже свидетельствовал, что

«если ему (Хазану) кто-либо не так поклонился или задал вопрос: “Как дела?”, он делал вывод, что [тот] интересуется следствием по делам правых и троцкистов, и сейчас же делал соответствующую заметку в наблюдательном деле сотрудника, задавшего вопрос или не так посмотревшего на Хазана»²⁶.

Другой бывший коллега Г. А. Мовсесов свидетельствовал, что

²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 171, д. 474, д. 148–196. Опубликовано в: Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / Сост. В. Н. Хаустов. – М., 2012. – С. 461–485.

²⁵ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 465.

²⁶ Там же. – С. 468.

«Я и другие сотрудники НКВД видели в лице Хазана опасного человека, могущего арестовать любого сотрудника, пользуясь большой поддержкой Гоглидзе и Кобулова»²⁷.

Всё это способствовало столь крайней «непопулярности» Хазана среди коллег, что Гоглидзе был вынужден его арестовать в феврале 1938 г. (арест произвёл Давлианидзе). Однако Кобулов защитил Хазана от уголовной ответственности и только отстранил от оперативной работы. Во время войны, в 1942 г., при поддержке Гоглидзе и Кобулова, Берия перевёл Хазана в центральный аппарат НКВД СССР. Но в 1945 г., по решению В. Меркулова, Хазана уволили с действительной службы и отправили в резерв из-за продолжавшихся слухов о его бывшей связи с троцкистами.

Савицкий, как и Хазан, в 1930-е гг. поднимался по службе в грузинском НКВД при поддержке Кобулова. Был уволен с действительной службы в НКВД в 1939 г. В 1941 г. по приказу Кобулова его отозвали с фронта и назначили заместителем начальника 4-го отдела НКВД СССР. В 1943 г., когда Кобулов стал замнаркома внутренних дел СССР, он назначил Савицкого личным секретарём, а после войны забрал его с собой на работу в Главное управление советского имущества за границей (ГУСИМЗ). Весной 1953 г. Берия, во время борьбы за власть после смерти Сталина, вернул Савицкого в Москву в качестве помощника Кобулова, который стал первым заместителем министра внутренних дел СССР. Как сказано в обвинительном акте:

«Таким образом, все продвижения Савицкого по службе были обусловлены его близостью к Кобулову, который неизменно при всех своих перемещениях переводил с собой и Савицкого как своего особо доверенного и надёжного соучастника»²⁸.

Кримацян, по-видимому, был близким другом Савицкого (в среде, где дружба явно не поощрялась) и тоже быстро продвигался по службе в НКВД в 1930-е гг. Предшественник Давлианидзе на посту начальника 4-го отдела НКВД Грузии С. О. Газарян в мемуарах написал, что

²⁷ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 469.

²⁸ Там же. – С. 466.

«странным и непонятным образом Кримян, очень молодой работник, вскоре занял ведущее положение в следственной группе вместе с Савицким»,

и, несмотря на причастность ранее к хищению средств в экономическом отделе грузинского НКВД, его «почему-то не отдали под суд»²⁹. Ещё один из сослуживцев Гульст говорит:

«Кримян был нечистоплотным человеком, фальсификатором. Авторитет ему был создан Кобуловым»³⁰.

С окончанием массовых репрессий Кримяна направили из Грузии во Львов, где после советского отторжения этой территории от Польши в 1939 г. он стал начальником одного из районных отделов НКВД УССР. В 1945 г. он возглавил органы госбезопасности в Армении, однако, как и Давлианидзе, из-за конфликта с местным партийным руководством в 1947 г. его разжаловали, а затем в 1951 г. уволили.

Карьера этих чекистов, по моему мнению, демонстрирует функционирование сети ставленников Берия в среднем звене НКВД Грузии. Прямые контакты самого Берия с ними были минимальными. Позже Хазан признается, что за всю свою карьеру он был на приёме у Берия три раза. Все следователи, как и Давлианидзе, когда попадали в беду, обращались к Берия письменно. Берия был в курсе того, кто, где был и что делал, но контакты осуществлял через посредника, имевшего более высокое звание и приближенного к нему, в данном случае через Кобулова, и в меньшей степени через Гоглидзе. Таким образом, иерархия в сети ставленников Берии определялась принципами протекционизма и ответственности. Будучи первым секретарём ЦК Компартии Грузии, Берия был информирован о текущих делах и часто отдавал приказы, иногда напрямую, но чаще через Кобулова и Гоглидзе. Кроме того, он просматривал протоколы допросов и писал на их основе резолюции с приказами арестовать людей, упомянутых в признательных показаниях. Он часто приезжал в НКВД и тюрьму, порой ночью, и лично участвовал в допросах, избивениях подследственных.

²⁹ Газарян С.О. Это не должно повториться. – С. 22.

³⁰ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 465.

Представляется, что Давлианидзе находился на периферии этой группы. В начале карьеры он извлёк пользу из покровительства Берия, был в подчинении и хороших отношениях с Кобуловым и Гоглидзе. В мемуарах Газанов объединил Давлианидзе в группу с Савицким и Кримяном, как «будущих заправил беззаконий 1937 г.»³¹, считая, что они

«оказались в роли первых скрипок в страшном шабаше беззакония и произвола в Тбилиси»³².

Однако Давлианидзе не был полноправным членом этой группы, как в собственном восприятии, так и других участников группы. Позже он свидетельствовал, что его не приглашали на кутежи, которые Хазан, Савицкий, Кримян и секретарь 4-го отдела Милова устраивали на квартирах друг у друга³³. Практически сразу после начала работы в 4-м отделе Давлианидзе послал Гоглидзе доносы на своих новых коллег, указав на их подозрительное классовое происхождение³⁴. Кроме того, Давлианидзе непосредственно участвовал в аресте и увольнении Хазана в 1938 г.

«Тогда была такая обстановка, что сотрудники друг друга боялись и поэтому они не делились друг с другом», –

свидетельствовал бывший следователь НКВД Барский³⁵. Хазан, Савицкий и Кримян, как начальники отделений, формально были ниже по рангу, чем Давлианидзе, который занимал пост заместителя начальника отдела. Однако их отделения подчинялись напрямую Кобулову, так что порядок субординации был не вполне ясен. Поэтому Давлианидзе утверждал, что не несёт ответственности за действия этой троицы.

«Хазан, Кримян и Савицкий в 1937 г. пользовались большим авторитетом, чем Давлианидзе и, возможно, он с ними даже боялся говорить и тем более возражать. Это мои наблюдения», –

утверждал А. Г. Галаванов – бывший подчинённый Давлианидзе³⁶. Он также показал:

³¹ Газарян С.О. Это не должно повториться. – С. 21.

³² Там же. – С. 23.

³³ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 236.

³⁴ Там же, л. 43.

³⁵ Там же, л. 62.

«Кримян, Савицкий и Хазан по своему служебному положению должны были подчиняться Давлианидзе, но на самом деле они находились на непонятном для всех, привилегированном положении, и, мне кажется, сам Давлианидзе их побаивался»³⁷.

Энтузиазм, энергия и жестокость этих троих приобрели особую репутацию. Как свидетельствовал Бабалов:

«Им [Хазану, Савицкому и Кримяну] доверялось ведение следствия по наиболее крупным ответственным делам»³⁸.

Такого же мнения был и Квиркадзе:

«В особенности большую активность в избииении арестованных проявлял начальник 1-го отделения Хазан и следователи Кримян и Савицкий»³⁹.

Барский утверждал в своих показаниях:

«Кримян и Савицкий проявляли большое рвение к работе, находились на службе до 5-6 часов утра. Поэтому были на виду и пользовались привилегиями у руководства»⁴⁰.

Подобная обстановка способствовала соперничеству между следователями грузинского НКВД в том, кто проведёт больше арестов и добьётся большего числа и более обстоятельных признаний. Это, в свою очередь, становилось стимулом к тому, чтобы санкционировать или проводить аресты даже при минимуме доказательств и использовать насилие, чтобы выбивать у арестованных имена новых потенциальных жертв. Как показал свидетель В. Н. Васильев:

«В тот период среди следователей развивался невероятный ажиотаж – кто больше наберёт показаний о новых людях и арестует»⁴¹.

³⁶ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 59.

³⁷ Там же, л. 21.

³⁸ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 465.

³⁹ Там же. – С. 464.

⁴⁰ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 62.

⁴¹ Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 464. Также см.: *Сухомлинов А.* Кто Вы, Лаврентий Берия? Неизвестные страницы уголовного дела. – М., 2003. – С. 167. Обратим внимание на характерный момент: «Бывшие следственные работники, Кварикашвили, Кримян и Хазан, осуждённые в 1955 г. за подобные преступления, показали, что издевательства и

Подобными действиями следователи демонстрировали эффективность своей работы и лояльность по отношению к начальникам, а в обмен получали защиту и официальное признание как «герои в борьбе с контрреволюцией».

Ряд исследователей указали на то, что, с точки зрения отношений между центром и периферией, одной из основных целей массовых репрессий было разрушение глубоко укоренившейся в партии системы патронажа, а также удар по влиятельным местным начальникам в регионах и ведомствах⁴². Репрессии в Грузии, несомненно, преследовали ту же цель. Например, ликвидацию многих членов семьи и назначенцев Серго Орджоникидзе, а также региональной патронажной сети Нестора Лакобы в Абхазской автономной республике⁴³. Роль группировки, созданной Берия в партии и НКВД в Грузии и в Закавказье в целом, функционирование которой прослеживается в деле Давлианидзе, интересна для анализа постоянной конфликтной ситуации в структурах управления, в которой одна местная группировка способствовала разгрому других патронажных групп⁴⁴.

Суд

Серго Давлианидзе предстал перед судом в Тбилиси в октябре 1957 г. по обвинению в контрреволюции в соответствии со статьёй 58-7 и 58-8 Уголовного кодекса Грузинской ССР. На подготовку обвинительного заключения дела, состоявшего из двадцати четырёх томов сопроводительных документов и показаний свидетелей, ушло больше года. Давлианидзе обвинял-

пытки над арестованными проводились с ведома Гоглидзе. Шло соревнование сотрудников – кто больше разоблачит врагов народа. Это же подтвердил работник следственного аппарата Савицкий, также осуждённый в 1955 г».

⁴² См. *Getty A. Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars and the Persistence of Tradition.* – Yale, 2013.

⁴³ *Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers.* – 2007. – № 2 (35).

⁴⁴ *Blauvelt T. March of the Chekists: Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // Communist and Post-Communist Studies.* – 2011. – № 1 (44).

ся в подрыве экономической мощи советского государства и террористической контрреволюционной деятельности в интересах капиталистических государств, а также в пособничестве уже ранее осуждённой группе Берия, Кобулова, Гоглидзе и «их сообщников». В обвинительном заключении, в частности, говорилось:

«В целях истребления честных, преданных Коммунистической партии и Советской власти кадров, заговорщики, производя массовые аресты невинных людей, избивали и пытали их. Добившись заведомо ложных показаний в совершении государственных преступлений и заставив арестованных оговорить других невинных людей, заговорщики совершили террористические расправы с честными советскими людьми под видом осуждения их за контрреволюционную деятельность. [...] Для осуществления преступных замыслов против Советского государства и народа, Берия и его сообщники специально подбирали лиц из числа враждебных элементов, а также карьеристов, для которых интересы народа были чужды»⁴⁵.

В ходе расследования этого дела следствие пришло к заключению, что:

«Осуществляя вражеские замыслы Берия, Гоглидзе и Кобулова, осуждённых изменников Родины, попирая и грубо нарушая законы Советского государства, Давлианидзе совершил целый ряд тяжких преступлений против Советского народа»⁴⁶.

В ходе трёхнедельных слушаний показания дали 19 свидетелей, включая некоторых бывших коллег и подчинённых Давлианидзе, а также некоторых потерпевших. Давлианидзе был предоставлен адвокат, и оба они получили разрешение оспаривать заявления обвинения и задавать вопросы свидетелям. Ряд свидетелей, включая некоторых бывших коллег Давлианидзе, против которых он выступал на суде и кто ранее уже был осуждён и приговорён к расстрелу, как например, А. С. Хазан, Н. А. Крымян и А. Н. Рапава, дали показания заранее. Эти показания были включены в обвинительное заключение и зачитаны на суде.

⁴⁵ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 70.

⁴⁶ Там же, л. 71.

Прокурор рассмотрел каждый из случаев, представленных в обвинительном заключении, и утверждал, что Давлианидзе фальсифицировал дела, производил аресты при отсутствии необходимых доказательств и с нарушением процессуальных норм, применял запрещённые меры физического воздействия для получения признаний и подписывал фальсифицированные обвинительные заключения. В результате 456 чел., в том числе 156 коммунистов, были осуждены. Из 456 чел. – 222 – расстреляны⁴⁷.

Крымлян в показаниях назвал Давлианидзе одной из главных фигур в массовых репрессиях в Грузии:

«[...] в период 1936–1938 г. Давлианидзе являлся одним из самых жестоких следователей, практиковавшихся, главным образом, на районных делах. Там, где в районах было мало арестов или признаний, обычно появлялся Давлианидзе для “наведения порядка”»⁴⁸.

Бывший секретарь 4-го отдела НКВД Грузии Милова свидетельствовала:

«Давлианидзе, будучи зам[естителем] начальника секретно-политического отдела НКВД ГрузССР, сам лично вёл следствие по делам, а также неоднократно ходил по кабинетам следователей, где проводились допросы арестованных, и когда Давлианидзе участвовал в допросах арестованных или допрашивал арестованных сам, то из всех этих комнат, где проводились допросы, доносились крики арестованных, к которым применялись допрашивающими репрессии»⁴⁹.

Давлианидзе был признан виновным в фабрикации дела так называемого «контрреволюционного центра», якобы существовавшего среди студентов «технического университета», в репрессиях против жён осуждённых «врагов народа», в фабрикации дел в районах Гори, Нижней и Верхней Сванетии, деревне Мукино, в «нарушениях законности» в период его работы на Закавказской и Орджоникидзевской железных дорогах. В большинстве случаев Давлианидзе подписывал ордера на арест и

⁴⁷ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 73.

⁴⁸ Там же, л. 71.

⁴⁹ Там же, л. 72.

обвинительные заключения, а также составлял резолюции в поддержку действий своих подчинённых. По некоторым эпизодам его обвиняли в избиении арестованных или отданных приказах избивать.

Свидетели указывали, что Давлианидзе был беспринципным карьеристом и интриганом, который всячески использовал свои связи с Берия и его ставленниками – Кобуловым, Гоглидзе и Рапава. Бывший подчинённый Давлианидзе А. Г. Галаванов утверждал:

«Давлианидзе считали склочником и интриганом. Поэтому его недолюбливали[...]», но «[...] у начальства он был на хорошем счету»⁵⁰.

Другой бывший сотрудник НКВД свидетельствовал, что Давлианидзе «видимо, страдал самомнением»⁵¹. Ещё один бывший подчинённый Давлианидзе по НКВД показал, что:

«Давлианидзе [...] был [...] по характеру замкнутый, грубый, но это может быть потому, что у него такое лицо [...] многие боялись Давлианидзе, так как он был груб с работниками. На всех написал кляузы в Москву и тем самым стремился выдвинуться, [...] обращался грубо с сотрудниками и всегда был хмурый, угрюмый и важный. Особенно тогда, когда к нему ходили в кабинет»⁵².

Таким образом, Давлианидзе, по мнению обвинения, был карьеристом, который, чтобы угодить своим начальникам Берии, Кобулову и Гоглидзе, и продвинуться по службе, злоупотреблял своим положением для фальсификации следственных дел и запрещёнными методами выбивал признания и доносы, в результате чего сотни невинных советских людей, включая и членов партии, были лишены свободы или расстреляны.

Генерал защищается

В своих показаниях в ходе предварительного следствия, в ответах на вопросы и свидетельские показания на суде, как и в тридцатидвухстраничном рукописном «последнем слове», ко-

⁵⁰ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 72.

⁵¹ Там же, л. 62.

⁵² Там же, л. 98.

торое ему разрешили зачитать при завершении суда и включили в официальный протокол, Давлианидзе, а также его сослуживцы по НКВД, обвинённые в пособничестве, утверждал, что он был лишь «винтиком» и лишь слепо следовал приказам. Это похоже на поведение многих обвиняемых нацистов в ходе Нюрнбергского процесса.

Главным доводом Давлианидзе было то, что практически во всех делах, по которым он обвинялся, он действовал в соответствии с инструкциями Кобулова, Гоглидзе и Берия, а также то, что он ничего не знал об их контрреволюционных планах. Якобы он не практиковал насилие и редко приказывал подчинённым применять физические методы воздействия (а в тех случаях, когда он отдавал такие приказы, он выполнял инструкции вышестоящего руководства). Он утверждал, что лично не фальсифицировал улики, не принимал решения по заведению дел, не проводил аресты, а также не имел возможности влиять на вынесение приговоров. По его словам, у него не было ни намерений, ни причин причинить кому-либо вред. Те же свидетели, которые утверждали, что он превысил свои полномочия и применял насилие, лгут по причине личной неприязни к нему. Не он создал систему, в которую оказался вовлечён, и даже, если бы он в то время понял незаконность получаемых им приказов, он всё равно не смог бы изменить существовавший порядок или отказаться исполнять эти приказы:

«Никакой моей вины нет в том, что мне пришлось работать в этих органах в период, когда они на протяжении четверти века, в разное время, поочерёдно возглавлялись, впоследствии разоблачёнными во вражеской деятельности – Ягодой, Ежовым, Берия, Меркуловым, Абакумовым и др., которых, я признавал как руководителей и начальников, поскольку они выдвигались, назначались и утверждались руководством КПСС и Советского правительства. В их правах было по усмотрению устанавливать и вносить изменения в систему, методы и формы работы в органах. В их правах было издавать руководящие приказы, инструкции и указания, я же, как сотрудник, зависящий по службе от них, обязан был выполнять таковые и подчиняться установленным ими порядкам работы в органах»⁵³.

⁵³ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 255.

Давлианидзе упорно отказывался признать, что и до 1936 г. сотрудники НКВД применяли насилие на допросах. Но заявил, что вскоре после назначения его заместителем начальника 4-го отдела, Берия в конце июля – начале августа 1937 г. собрал руководство республиканского НКВД в ЦК КП(б) Грузии. На встрече огласили решение, в соответствии с которым «руководством органов было введено применение незаконных мер физического воздействия к арестованным», обвиняемым в государственных преступлениях, хотя в понимании Давлианидзе «санкции на применение этих незаконных мер к арестованным сотрудниками органов в каждом случае [...]» должны были быть получены от партийного руководства или руководства НКВД⁵⁴.

«Избиения арестованных начались в июле–августе 1937 г., но не в 1936 г. Я помню, на совещании в ЦК партии Грузии, где присутствовали также Хазан, Крымян, наркомы автономных республик и начальники РО НКВД, Берия зачитал директиву руководства Москвы о применении репрессий к арестованным за государственные преступления. На основании этого Гоглидзе и Кобулов давали письменные распоряжения об избиении арестованных», – указывал Давлианидзе⁵⁵. Заключительный вывод этого чекиста на суде был основан именно на этих доводах:

«Я несу ответственность за то, что незаконно арестовывал людей, но я считал, что выполняю указания партии и правительства. Протестовать против того порядка было невозможно [...], даже сами члены правительства ничего не говорили тогда об этом»⁵⁶.

Аналогичным образом свои доводы на суде изложил и адвокат Давлианидзе:

«Необходимо учесть обстановку того времени, преступную систему ведения следствия, [а также то,] что в действиях подсудимого Давлианидзе не было цели свержения советской власти, что нет никаких данных о том, что Давлианидзе находился в сговоре с врагом народа Берия и его сообщниками и что в его действиях не усматривается контрреволюционный умысел»⁵⁷.

⁵⁴ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 259–60.

⁵⁵ Там же, л. 78.

⁵⁶ Там же, л. 238.

⁵⁷ Там же, л. 239.

Утверждая, что был лишь «слепым орудием» исполнения приказов в период беззакония, Давлианидзе в апелляции суду также утверждал, что «разоблачение» Берия в 1953 г., процесс десталинизации и критика культа личности Сталина, начатые Н. С. Хрущёвым на XX съезде КПСС в феврале 1956 г., дали ему возможность понять противоположность системы, существовавшей в органах госбезопасности в сталинский период:

«До разоблачения в 1953 г. провокатора Берия и его сообщников, я ничего не знал [о беззаконии] и не смог бы распознать этого. Степень своей виновности, как член КПСС и бывший сотрудник органов НКВД-МГБ, я понял лишь после моего ознакомления с материалами 20-го съезда КПСС [...]. Я же тогда всего этого, как исполнитель, не сознавал, а если бы осознал, то никакого влияния не смог бы оказать и ничего не смог бы изменить. Кроме того, мне вообще никто бы не поверил, и я подвергся бы только привлечению к уголовной и партийной ответственности за невыполнение приказов, инструкций и указаний НКВД-МГБ Грузинской ССР и СССР, а также решений ЦК КПСС и быв[шего] руководства СССР»⁵⁸.

Давлианидзе подчёркивал, что у него не было ни юридического образования, ни соответствующей подготовки до того, как он начал работать в органах:

«В 1952 г. я начал самостоятельно изучать юридические науки. Специального юридического образования я не имею. С этого момента я стал подкованным человеком. До этого же в органах работали люди, не имеющие юридического образования»⁵⁹.

Дискурсивный подход к анализу сталинизма или «сталинская субъективность» в НКВД

Вместе с оправданиями, что он только исполнял приказы свыше, ничего не знал о противозаконности этих приказов и что всё равно не смог бы отказаться их исполнять или сделать что-либо ещё против существовавшей системы, даже если бы он понимал незаконность действий, Давлианидзе также апеллировал к менталитету или «духу времени», царившему в то

⁵⁸ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 263.

⁵⁹ Там же, л. 40.

время в НКВД, в частности, и в советском обществе в сталинский период в целом. То есть к тому феномену, который недавно стали называть «сталинской субъективностью» (*Stalinist subjectivity*)⁶⁰. Под феноменом «сталинской субъективности» исследователи подразумевают намерения и мотивы к действию в историческом контексте сталинского общества, а также способы, с помощью которых с целью легитимации режим инкорпорировал/консолидировал население посредством политики социальной идентификации и мобилизации, а также способы, которыми население перенимало (усваивало, присваивало) официальный дискурс.

Учитывая «чрезвычайный характер времени», как утверждал Давлианидзе, он верил в безотлагательность борьбы с «классовыми врагами» и их агентами, а также в то, что его приказы были правильны и морально оправданы⁶¹.

«Как меры, диктуемые духом времени и его требованиями, в связи с чрезвычайной для СССР международной и внутренней обстановкой и близостью войны капиталистических стран против СССР, таким выступлениям [классовых врагов], как я, так и другие не имели никаких оснований не верить тогда», –

указывал бывший генерал⁶². Далее он вновь акцентировал внимание на своей «скромной» участии в маховике массовых политических репрессий:

«Я выполнял указания ЦК партии Грузии и Москвы, а также и наркома ГССР, и, как говорится, какова была музыка, таков был и танец»⁶³.

Отметим, что всевластие партийного руководства и начальства НКВД вместе с постоянными и массовыми пропагандистскими кампаниями против врагов народа, вредителей и т. д., соз-

⁶⁰ *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization.* – Berkeley, 1996. – P. 22–23; *Hellbeck J. Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent // The Resistance Debate in Russian and Soviet History / ed. David-Fox M., Holquist P., Poe M.* – Bloomington, 2003. – P. 103–37. Критику этого подхода см.: *Edele M. Stalinist Society: 1928–1953.* – Oxford, 2011. – P. 237–8.

⁶¹ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 254.

⁶² Там же, л. 261.

⁶³ Там же, л. 194.

давали ситуацию, в которой обычный (среднестатистический) человек волей-неволей, но принимал для себя доминирующую официальную трактовку событий. Так, Давлианидзе говорил:

«Бывший нарком Ежов был вторым секретарём ЦК КПСС, и ему верили. Об аресте людей и применении к ним незаконных методов следствия имелось указание за подписью Ежова. Я, как и все, находился под мнимым психозом борьбы с контрреволюцией. Теперь я, конечно, на всё смотрю другими глазами [...]. Все специальные пособия и литература, газеты и статьи шумели о контрреволюции и тем самым делали из нас послушных автоматов»⁶⁴.

Всеохватывающий и непрерывный характер официального дискурса во времена опасности войны, внешней и внутренней угрозы, заговора и паранойи позволяет предполагать, что слова Давлианидзе значат больше, чем просто попытку формально оправдаться. Официальный дискурс, как представляется, фундаментально определил категории его мышления и взгляд на реальность, так что для человека, подобного Давлианидзе, было бы очень трудно, если вообще возможно, в этой ситуации думать вне официального дискурса и независимо от него. И хотя он приводит в свою защиту довод о том, что в то время не понимал истинного смысла событий, но из смысла его утверждений, прежде всего то, что он продолжал называть реабилитированных людей «врагами народа», а также считал классовое происхождение объективной основой вины, следует, что его мировоззрение даже во время суда всё ещё оставалось сталинским.

НКВД Грузии в разгар массовых репрессий

Документы следственного дела Давлианидзе позволяют увидеть внутренний ведомственный «климат», царивший в разгар массовых репрессий в органах госбезопасности Грузии, а, вероятно, и в органах НКВД всего СССР. Суд, в частности, вы-

⁶⁴ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 226-227. Сотрудник госбезопасности Хазан сделал похожее заявление в более ранних показаниях, которые были использованы на суде над Давлианидзе: «В 1937 г. я был воодушевлён директивами партии по борьбе с врагами народа». См.: Там же, т. 24/3, л. 32.

явил материалы, полученные от самого Давлианидзе и других свидетелей, о процессуальных нарушениях, которые приняли угрожающие масштабы. В числе таких нарушений были производство арестов без предварительного получения на то санкции прокурора и проведение допросов без санкции на арест и предъявления официально оформленных актов обвинения⁶⁵. Ещё одним нарушением было составление протоколов допроса *post factum*. Согласно правилам, следователи должны были во время допроса вести рукописные протоколы вопросов и ответов, которые затем следователь и арестованный обязательно подписывали, после чего протоколы перепечатывались и официально подписывались. Когда обвинители на суде поинтересовались, почему в архивированных личных делах арестованных не было рукописных оригиналов протоколов допроса, Давлианидзе и другие свидетели признались, что в то время, якобы, из-за недостатка времени, следователи во время допроса лишь делали заметки (которые после выбрасывали), а затем диктовали протокол допроса машинистке⁶⁶. В действительности следователи часто составляли протоколы, руководствуясь своими прихотями, выбирая обвиняемых и обвинения по своему усмотрению и желанию⁶⁷. Затем следователи избивали арестованных, пока те не соглашались подписать заранее составленный протокол допроса. Один из бывших сотрудников НКВД показал, что так называемые «заговоры» с целью убийства Берия и высших чинов НКВД были популярны у начальства, поэтому следователи старались как можно чаще включать подобные «признания» в протоколы⁶⁸. В 1953 г. Л. Ф. Цанава свидетельствовал:

«Террор против Берия настолько вошёл в быт, что считалось необходимым в каждом деле иметь признание арестованных, что они готовили теракт против Берия [...]. Арестованные говорили

⁶⁵ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 54, 259.

⁶⁶ Там же, л.69.

⁶⁷ Там же, л. 12, 108.

⁶⁸ Показания К. С. Савицкого в: Записка Р. А. Руденко в ЦК КПСС // Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит... – С. 463.

только то, что хотел Кобулов, который заранее намечал нужные ему показания, вызывал к себе своих помощников Кримяна, Хазана, Савицкого, Парамонова и др., распределял среди них, какие показания должны им дать арестованные, и начиналась работа по выколачиванию показаний. Избивали просто до тех пор, пока арестованный не давал нужных Кобулову показаний»⁶⁹.

Во многих случаях, и вновь в нарушение процессуальных норм, арестованным вообще не разрешалось прочитать протокол допроса, который их заставляли подписать. Кроме того, были случаи, когда арестованным, которые не говорили по-русски, не предоставляли перевода протокола их допроса, им просто говорили, что это «не их дело» знать, что там написано⁷⁰. Ещё одним «нарушением», которое Давлианидзе признал на суде, было неправомерное использование, по его собственной терминологии, «альбомного порядка», при котором следователи собирали материалы в виде обобщающих справок, где перечислялись обвинения и приговоры. Эти комбинированные обобщающие списки затем отсылались вышестоящему руководству для окончательного утверждения⁷¹. Все эти действия составили то, что Давлианидзе и другие сотрудники органов называли «упрощённым методом» ведения следствия, который использовался в НКВД, особенно с 1937 г.⁷²

Несколько раз на суде упоминалось ещё одно процессуальное нарушение, а именно «расчленение дел», при котором следователи заводили новое дело на арестованных или обвиняемых по другим, в том числе и «групповым делам»⁷³. По словам бывшего подчинённого Давлианидзе – Асланикашвили, это облегчало следователям фальсификацию дел, позволяло увели-

⁶⁹ Показания Цанава в: Записка Р. А. Руденко в ЦК КПСС // Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. – С. 465.

⁷⁰ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 38.

⁷¹ Там же, л. 13. См.: Большевицкий порядок в Грузии / Отв. ред. Юнге М., Тушурашвили О., Бонвеч Б. – М., 2014. – Т. 1: Большой Террор в маленькой кавказской республике. – С. 26. Также см.: Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 71.

⁷² Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 64, 118, 259.

⁷³ Там же, л. 40.

чить число показаний, как и общее число дел, которые находились у них в разработке⁷⁴.

Вина Давлианидзе

Хотя Давлианидзе упорно настаивал на том, что у него не было контрреволюционных намерений и он лишь исполнял приказы свыше, некоторые свидетели на суде оспорили его утверждения о том, что он не избивал арестованных и не отдавал приказаний избивать. По их словам, Давлианидзе лично бил их во время допроса, в том числе и рукояткой пистолета⁷⁵. Да и бывший генерал признал, что применял насилие по приказу из Москвы в отношении трёх русских инженеров, арестованных в Верхней Сванетии⁷⁶. Его бывший сослуживец Кримян считал, что Давлианидзе отличался «исключительной свирепостью при избиениях арестованных»⁷⁷. Другие бывшие сотрудники также обвиняли Давлианидзе в том, что он отдавал им устные распоряжения бить арестованных⁷⁸. По словам одного из них, Давлианидзе упрекал его, что

«били [арестованного] мало, добейте его до конца»⁷⁹.

Сам Давлианидзе признался несколько раз, что писал резолюции «крепко допросить», но в показаниях на суде неоднократно настаивал, что, с его точки зрения, это означало лишь «тщательно допросить». Несколько человек из его бывших подчинённых (Галаванов и Лазарев) оспорили это, утверждая, что они понимали такие резолюции, как приказ применять насилие, и что все их сослуживцы понимали это таким же образом⁸⁰.

Против Давлианидзе свидетельствовали и его собственные слова на предварительном следствии, когда он объяснил, что

⁷⁴ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 66.

⁷⁵ Там же, л. 73, 157.

⁷⁶ Там же, л. 158.

⁷⁷ Там же т. 24/18, л. 72.

⁷⁸ Там же, т. 24/21, л. 171-2.

⁷⁹ Там же, л. 87.

⁸⁰ Там же, л. 64, 106.

«крепко допросить» – означало избить арестованного⁸¹. К концу суда этот чекист вынужден был признать, что в ряде случаев применял физические меры воздействия⁸². Показательно, что на одном из допросов, который он проводил во время службы в транспортном отделе Закавказской железной дороги, Давлианидзе заявил задержанному, что для него он является судом и трибуналом и что захочет, то с ним и сделает⁸³.

Но более существенно, что Давлианидзе был вынужден признать халатность и небрежность при подписании десятков ордеров на арест и обвинений без достаточных доказательств вины. Он сказал, что его ошибка состоит в том, что он

«подписал обвинительные заключения по недоследованным делам»⁸⁴

и что он признает себя виновным

«в том, что дал своё согласие на обвинительном заключении [...], не имея достаточных обвинительных материалов»⁸⁵.

В ходе суда возникли разногласия по вопросу о роли должностных лиц НКВД, которые проводили расследования и представляли дела в «тройки», которые состояли из прокурора, представителя партии и сотрудника НКВД, утверждавших окончательные решения по приговорам. Давлианидзе и некоторые его бывшие коллеги настаивали на том, что тройки не советовались со следователями при вынесении приговоров и не спрашивали мнения следователей по делам арестованных⁸⁶. Однако бывший нарком внутренних дел Грузии А. Н. Рапава в своих показаниях, зачитанных на суде над Давлианидзе, утверждал:

«[...] сначала мы спрашивали мнение у следователя, доложившего дело, а затем кто-нибудь из членов тройки предлагал меру наказания. Случалось, что я первым предлагал меру наказания»⁸⁷.

⁸¹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 7.

⁸² Там же, л. 197, 226.

⁸³ Там же, л. 200.

⁸⁴ Там же, л. 10.

⁸⁵ Там же, л. 79.

⁸⁶ Там же, л. 160, 258.

⁸⁷ Там же, л. 131.

Это заявление сразу же поставило под сомнение утверждение Давлианидзе о его непричастности к вынесению приговоров по сотням утверждённых им дел. Кроме того, факты, что он подписал столь много ордеров и разрешений на арест и проведение следствия, не могло не повлиять на мнение суда, показав, что у Давлианидзе было гораздо больше власти в принятии решений, чем он признал на суде.

В результате 31 октября 1957 г. Давлианидзе был признан виновным по всем статьям обвинения и осуждён на 25 лет исправительных работ в Дубравном ИТЛ с конфискацией имущества и лишением всех государственных наград и званий. Он умер в августе 1967 г., находясь в заключении в Мордовской автономной республике.

Заключение

Материалы судебного дела создают нелицеприятный портрет Давлианидзе: он предстаёт коварным, тщеславным, корыстным, порой высокомерным, очень подозрительным и часто мстительным человеком. Давлианидзе был груб с подчинёнными и постоянно писал доносы на коллег, возможно, ожидая того же от них. Однако в этом он, пожалуй, вёл себя как типичный советский человек сталинского времени. Свидетели и бывшие коллеги по НКВД неоднократно характеризовали Давлианидзе как интригана, но не садиста или психопата, тогда как его противники Хазан, Кримян и Савицкий получали такие характеристики⁸⁸. Хотя и были случаи, когда Давлианидзе явно злоупотреблял своим положением, а в начале карьеры превышал полномочия. Однако, представляется, что его приобщение к насилию началось только в период массовых сталинских репрессий 1937–1938 гг. В разное время он утверждал, что воевал в гражданскую войну в 1919 г., участвовал в подавлении антисоветского восстания в Грузии в августе 1924 г., но это кажется весьма сомнительным. Даже если Давлианидзе говорит правду, не этот, а последующий опыт сформировал его характер.

⁸⁸ Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/16, л. 30.

Таким образом, в отличие от коллег по НКВД в других регионах СССР, Давлианидзе, находясь в относительно спокойной Грузии, имел небольшой, а то и вовсе не имел никакого опыта применения жестокости и зверств времён Первой мировой войны, революций 1917 г., гражданской войны. Поэтому аргумент Линн Виолы об обусловленности «экосистемы насилия» предшествующим опытом участия в репрессиях, похоже, не применим к случаю Давлианидзе.

До того, как Давлианидзе летом 1937 г. был переведён с периферийной должности в Чиатури в 4-й отдел НКВД Грузии, ставший центром проведения массовых репрессий в Грузии, он, похоже, не знал о новой политике применения методов насилия на допросах для выбивания признаний и доносов, а также использовании полученной таким путём информации как единственного и достаточного основания для вынесения обвинений и проведения дальнейших арестов. Возможно, он вначале был даже удивлён, столкнувшись с подобной практикой. Начав работу в 4-м отделе, Давлианидзе, в первую очередь, доложил главе НКВД Грузии Гоглидзе об использовании подобных методов его сослуживцами Хазаном, Кримяном и Савицким⁸⁹, и только после обращения Берия к сотрудниками органов госбезопасности с разрешением использовать методы физического воздействия на допросах, Давлианидзе понял «сигнал» и сам стал их применять⁹⁰.

Привыкнув к новой ситуации, Давлианидзе, видимо, быстро освоился и стал преуспевать. Его склонность к подозрительности и доносительству оказалась в благоприятной среде. Дело Давлианидзе показывает, как сама ведомственная атмосфера в НКВД подталкивала к нарушениям законности. Защищённые покровительством руководства органов госбезопасности и партии, а также властью, данной им этим руководством, следовате-

⁸⁹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 73.

⁹⁰ В показаниях Хазан сказал, что подобный «сигнал» в том же году, но ранее, поступил сотрудникам, работавшим в Тбилиси, от Берии после февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б), и что он, Хазан, начал применять меры физического воздействия на допросах в мае того же года. См.: Там же, т. 24/3, л. 30.

ли уверовали в свою всесильность, что ещё более усиливалось осознанием «непрозрачности», то есть закрытости процессуальных действий для контроля, а также отсутствием подотчётности. Соперничество и взаимная подозрительность, в сочетании с тем фактом, что именно такое поведение было критерием оценки их работы, поощряло следователей к использованию любых методов и уловок для достижения быстрого роста числа арестов и признаний. К этому следует добавить, что Давлианидзе и его современники не были знакомы с концепциями «верховенства закона», даже с их советской интерпретацией как одной из основ «социалистической законности». Как сам Давлианидзе доказывал на суде, ни он, ни его коллеги не имели юридического образования или иной подготовки. Только значительно позже он стал задумываться о смысле и значении подобных концепций⁹¹. Хотя Давлианидзе не уклонялся от использования методов насилия, но, в отличие от Берия и некоторых других своих коллег, он, видимо, не усердствовал в избиениях и пытках задержанных и не получал от этого особого удовольствия, предпочитая вместо этого подписывать приказы и заставляя это делать своих подчинённых.

Тем не менее, Давлианидзе явно процветал в подобной среде, так что время массовых репрессий и советско-немецкой войны, стало пиком его карьеры. До этого времени, в ранний период своей службы, Давлианидзе добился в лучшем случае посредственных результатов в карьере, а после 1945 г., когда политические условия в стране стали меняться, присущие ему подозрительность и доноительство на коллег привели к увольнению из органов госбезопасности. Таким образом, те же самые свойства характера, которые столь хорошо послужили ему во время репрессий, позже превратились в помеху⁹².

Успешная карьера в НКВД принесла Давлианидзе звание генерал-майора, множество медалей и хорошую квартиру в прес-

⁹¹ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/21, л. 58.

⁹² Дело Давлианидзе также показывает, что те же факторы – сочетание подозрительности, недоверия и амбиций – способствовали проникновению и увеличению масштабов репрессий в рядах НКВД.

тижном районе Тбилиси. Давлианидзе, как и большинство его коллег в НКВД Грузии, был чужаком в грузинской столице, без хорошего образования, семейных связей, престижа и другого «социального капитала». Это слишком опасное несоответствие большой власти и низкого социального престижа, вместе с отсутствием подконтрольности, видимо, также добавило рвения, с которым следователи НКВД допрашивали бывших высокопоставленных партийных руководителей Грузии и их жён, а также студентов, преподавателей институтов и университетов, составивших значительное число жертв⁹³.

Стремление показать своё «трудолюбие» и исполнительность при выполнении приказов могли лишь усиливаться интериоризацией официального дискурса, то есть «усвоением» и, в конечном итоге, принятием людьми неустанно пропагандируемой идеологии классово-борьбы, страха и угрозы контрреволюционной вражеской деятельности и вредительства. Следователи, видимо, были глубоко уверены в истинности этих угроз, в том, что обстановка в стране была критической, а разговоры и преступления, в которых признавались их жертвы, реальны. Хотя Давлианидзе в разные моменты суда утверждал, что позже, после разоблачений на XX съезде партии, пришёл к пониманию незаконности методов, которые использовало НКВД во время массовых репрессий, однако ряд его замечаний свидетельствует, что он по-прежнему считал, что многие из его жертв были виновны и заслуживали понесённого наказания. Зачастую он с презрением отзывался о репрессированных, и несколько раз на суде ему напоминали о том, что арестованные, которых он всё ещё считал врагами, уже были официально реабилитированы⁹⁴. Он также заявлял, как о само собой разуме-

⁹³ Например, репрессии против группы студентов, обвинённых в создании «Молодёжной Организации», директора Медицинского института в Тбилиси К. В. Цомая (умер во время допроса) и его сотрудников, студентов и научных сотрудников Грузинского индустриального института, группы юристов. См.: Сакартвелос шсс аркиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/18, л. 75-82, 85, 93-95; т. 24/21, л. 121-129.

⁹⁴ Там же, т. 24/21, л. 216. Во время суда он сказал: «Теперь свидетели пользуются моментом и говорят всё, что им вздумается [...], такая болтовня комп-

меющемся факте, что взаимная неприязнь с рядом коллег коренилась в классовом конфликте, так как их родители в царское время были офицерами или чиновниками, или же их родственники были заграницей⁹⁵.

В конечном итоге, в деле самого Давлианидзе, как, возможно, и в отношении других его сотоварищей-карателей в НКВД сталинского времени, видна комбинация факторов, определивших мотивацию и поведение этих людей: приспособление к ведомственной обстановке, царившей в НКВД; моральное давление со стороны коллег, страх и амбиции в атмосфере соперничества с соратниками и противниками в погоне за результатами, которые приносили награды, признание начальства; упоение силой и властью, которое они черпали из своего положения и полномочий; вера в правильность и моральную оправданность того, что они делали; неведение о незаконности (и, в конечном итоге, тщетности) методов, которые они использовали при отсутствии представления о законности как таковой; невозможность даже вообразить, что однажды высшее политическое руководство государства, которое приказывало и поощряло противозаконные действия, привлечёт их к уголовной ответственности за эту практику.

Обвинения в контрреволюции и антисоветской деятельности, выдвинутые против Давлианидзе и других карателей НКВД Грузии, скрыли главнейшую цель судебного разбирательства. Вместо того, чтобы признать, что причины преступлений, совершенных в период массовых репрессий 1937–1938 гг., в частности, и в период сталинского правления, в целом, коренятся в тоталитарной партийно-советской системе при характерном для неё отсутствии верховенства закона, обвинители вынуждены были сформулировать обвинения как злой умысел и проступки тех, кто извратил ленинские нормы. В Грузии это подразумевало «осуждённого провокатора Берия и его сообщников». Давлианидзе и другие каратели, привлечённые к ответственно-

рометирует только советскую власть [...], пострадавшие стремятся сгустить краски». См.: Сакартвелოს შსს არქივი (I), ფ. 6, დ. 4643-58, თ. 24/21, ლ. 226.

⁹⁵ Там же, л. 43–44, 243

ности, были официально обвинены в контрреволюции как пособники в заговоре Берия, с целью подрыва основ советской государственности и экономики. Однако основной упор в аргументах обвинения был сделан не на контрреволюционные намерения и участие в заговоре, а на умышленное и преднамеренное нарушение законодательных и процессуальных норм. В конечном счёте, обвинители, видимо, старались подчеркнуть не столько те преступные деяния, которые совершили каратели, а то рвение, с каким они выполняли приказы. Поскольку почти всегда каратели были исполнителями общих или конкретных приказов, поступавших сверху, в данном случае от Кобулова, Гоглидзе и Берия, обвинители на суде старались доказать, что каратели были хуже, чем правонарушители, они были плохими, порочными людьми. Для этого необходимо было показать рвение, злобный энтузиазм и порочность, с которыми каратели приводили приказы в исполнение.

Давлианидзе мог по праву возразить, что не знал ни о каких заговорах, что он не был напрямую связан с Берия и его ставленниками, в отличие от некоторых других своих сослуживцев, и что его намерения никогда не были контрреволюционными. Любой может почувствовать то неизбежное раздражение (возмущение), которое Давлианидзе и его сотоварищи-каратели испытывали от парадоксальной ситуации, когда их судили и наказали именно за те преступления, которые те же самые власти раньше поощряли. Показания Хазана, включённые в дело Давлианидзе, точно выразили это противоречие:

«Таким образом, получилось для меня и для всех опер[ативных] работников страшное положение. В 1937 г. руководство НКВД обязало, как нам сказали, по указанию высших органов избивать арестованных, уклонение от этого рассматривалось как вражеская к[онтр]р[еволюционная] работа, а спустя много лет за выполнение этого же предписания обвиняешься также в к[онтр]р[еволюционном] преступлении»⁹⁶.

В конечном итоге, несмотря на то, что Давлианидзе до конца судебного процесса бурно протестовал против официальных

⁹⁶ Сакартвелос шсс архиви (I), ф. 6, д. 4643-58, т. 24/3, л. 30.

обвинений, он вынужден был с неохотой признать себя виновным в тех деяниях, за которые на самом деле негласно и был преследован по закону, а именно: небрежность в ведении дел и подписании приказов, что привело к необоснованным приговорам и расстрелу сотен невинных людей.

***Блаутвельт Т. «Яка музика, такий і танець»:
справа Серго Давліанідзе***

Робиться спроба «населити макроісторичний простір», досліджуючи діяльність співробітника НКВД Грузії Серго Давліанідзе в період «Великого терору» і матеріали судового процесу 1957 р. На думку автора, з'явилася можливість досягти «балансу між макро- і мікроісторією», а також розуміння того, як люди, які працювали в інститутах сталінського суспільства, виявилися здатні здійснювати акти насильства в значних масштабах проти невинних людей.

Ключові слова: Серго Давліанідзе, «Великий терор», політичні репресії, НКВС.

***Blautwelt T. «The Dance Depends on Music»:
The Case of Sergo Davlianidze***

The author tries to settle the space of makrohistory by the studying the activity of the Georgian NKVD executive Sergo Davlianidze during the Great Terror and the materials of his court process in 1957. From the author's point of view the possibility to reach the balance between micro- and macro- history at least appeared. There is also a chance to understand the way people worked the institutions of Stalin's society and turned out to be able to commit numerous acts of violence against innocent people.

Key words: Sergo Davlianidze, The Great Terror, political repressions, NKVD.